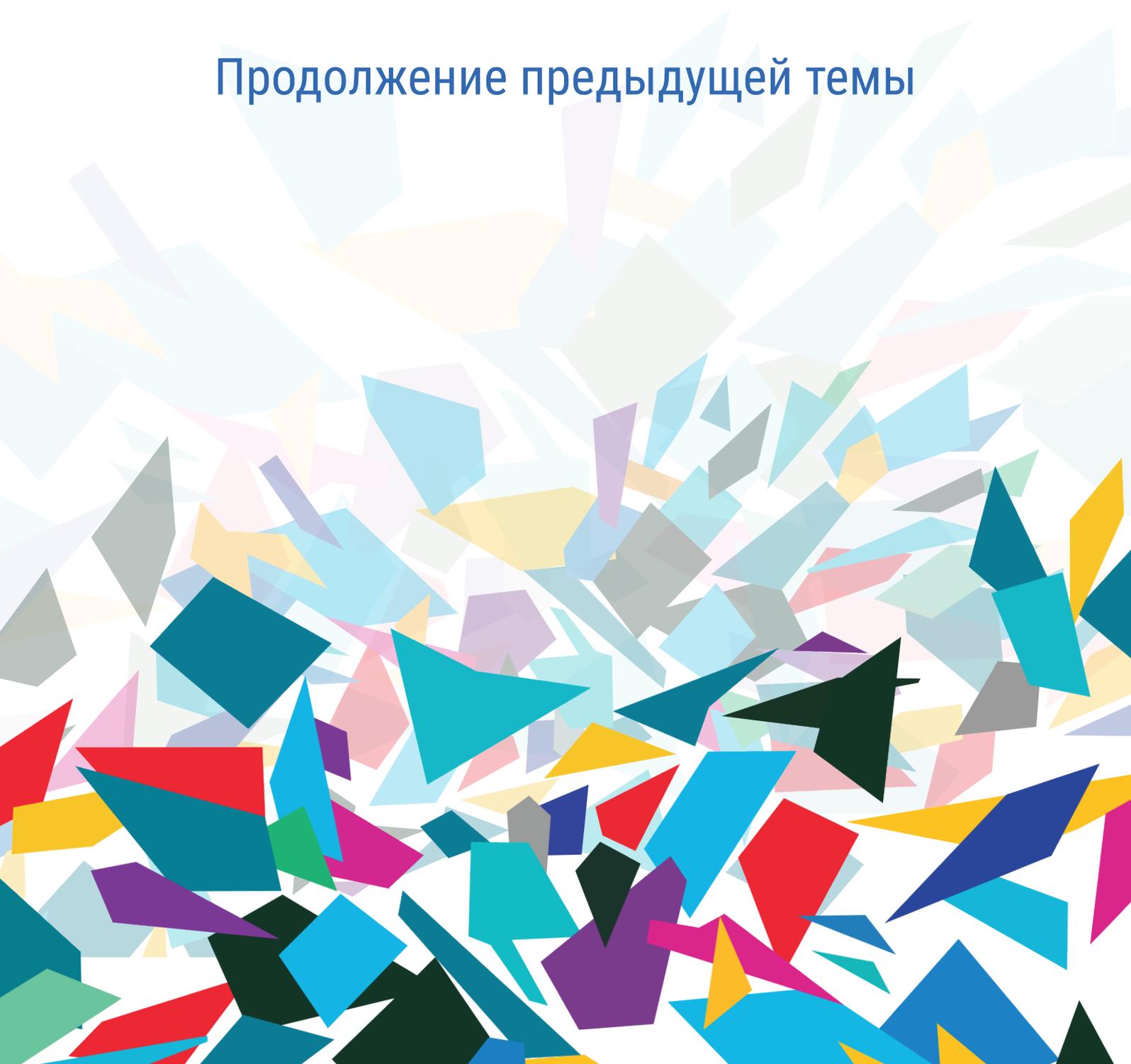

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Продолжение предыдущей темы

Цель - раскрыть особенности формирования французской школы «Анналов», теоретические основы и методологические подходы.

Продолжаем разговор об особенностях и традициях формирования французской школы «Анналов», теоретических основах и методологических подходах.

В предыдущей лекции подчеркивалось, что историческая антропология как самостоятельное направление стало обретать видимые контуры лишь в начале 70-х гг. прошлого столетия. Хотя, как мы знаем, о повороте в сторону антропологизации истории говорилось и в 50-60 годы. Знаковым событием в этом ряду следует считать появление в 1961 г. в солидном энциклопедическом справочнике “История и ее методы” программной статьи Жоржа Дюби “История ментальностей”. Ученые-эксперты определили это событие как символ академического признания нового направления.

В предыдущей лекции также упоминались представители «аграрной истории», которые в числе первых в тандеме с социальной антропологией взяли курс на «антропологизацию». Сегодня вы познакомитесь с еще одной отраслью исторического знания - демографической историей.

Традиционно демографическая история, как дисциплина, оперирует цифрами и подсчетами, динамикой рождаемости, смертности, брачности и т.п. Как правило, исследователи оперировали количественными данными и мало внимания уделяли субъективным факторам изучаемых явлений. Предметная область демографической истории стала изменяться благодаря включению в круг ее проблем “ментальных” аспектов, проблематизации того, как сами люди прошлых эпох относились к рождению или смерти, болезням, старости, детям и женщинам и т. п.

В изучение многих из этих вопросов внес большой вклад представитель третьего поколения «анналистов» Филипп Арьес. На его основных трудах по проблеме детства, отношения к смерти мы подробно остановимся. Безусловно, все те проблемы, о которых мы говорим, имеют непосредственное отношение к антропологии. Но особенность его подхода в том, что он акцентировал свой интерес на проблеме эволюции массового сознания, а иначе говоря, истории ментальностей.

Одной из первых и ставшей наиболее известной книгой Арьеса была работа “Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке” (первое издание 1960г., 2-е изд. – 1973г.). Книга была переведена и на русский язык. В аннотации дается описание, что это исследование двойной эволюции детства в европейском сознании от раннего Средневековья до XIX века. С одной стороны, это эволюция представлений о детстве как об особом периоде жизни; постепенном усложнении его периодизации: младенец - ребенок - подросток - юноша; изменение роли ребенка в семье в различных регионах от периферии к центру.

С другой стороны, параллельная эволюция европейской организации образования, от церковной школы и обучения «в людях» к становлению системы начального и среднего образования, соперничающей с семьей в качестве главнейшего института социализации ребенка. Специалисты подчеркивают новаторский дух этой работы. И главное то, что автор впервые сумел показать восприятие детства в разные эпохи как предмет исторического исследования. Материал книги собран на основе множества разнообразных источников, включая литературные тексты, иконографический материал, эпитафии и собственно изображения надгробных памятников.

Какие выводы были получены в результате этих исследований Арьеса? И почему они вызвали дискуссии в научных кругах? Российский исследователь Михаил Кром полагает, что «эпоха Средневековья не знала детства как особой возрастной и психологической категории. Ребенок - это маленький взрослый. В средневековье не существовало и семейных чувств. Можем добавить, что человек был обезличен и представлял собой лишь «тварное существо», ничтожное перед лицом Бога. Перемены начинаются только лишь в XIV веке. И только в XVII веке происходит “открытие” детства, и ребенок становится центром “новой” семьи».

Труд Арьеса и некоторые его тезисы, например, об отсутствии в средневековых семьях особого отношения к детям и вообще материнской и отцовской любви, в последующих исследованиях подвергались пересмотру и критике. Работу Арьеса часто критиковали и за то, что он не брал во внимание социальную структуру общества. Изучаемый материал по большей части был почерпнут из жизни и быта аристократии, но выводы при этом почему-то экстраполировались на все общество. Это также можно прочесть и в критических статьях Арона Гуревича. Но при всех очевидных недостатках нельзя игнорировать факт, что именно Арьес стал первооткрывателем проблемы детства для историков. Именно он обозначил путь, по которому уже пошли многочисленные последователи и даже критики в разных странах.

Еще одна тема многолетних исследований этого французского историка - это эволюция отношения

человека к смерти. «Человек перед лицом смерти» - так называется фундаментальный труд Арьеса, в которой представлена весьма необычная схема развития представлений европейцев о смерти во времени. Интересно, как Арьес описывает динамику трансформации этого отношения. От «прирученной смерти», понимаемой как естественная неизбежность в средневековую эпоху до «перевернутой смерти» в наши дни. По мнению ученого, корень подобного развития кроется в качественном изменении четырех психологических параметров: самосознания людей, стремления общества защититься от дикой природы, веры в посмертное существование, веры в существование зла.

Мы согласны с тем, что Арьес не был первооткрывателем этой темы, но его вклад состоит в том, что он сумел сказать свое слово и сделать ряд ценных выводов. Главный тезис Арьеса: существует связь между установками в отношении к смерти, доминирующими в данном обществе на определенном этапе истории, и самосознанием личности, типичной для этого общества. Изменения восприятия смерти непосредственно находят своё отражение в понимании и трактовке человеком самого себя.

Арьес выделил пять главных этапов в изменении установок по отношению к смерти.

Первый этап - это состояние «прирученной смерти» (начиная с эпохи Средневековья). Обозначено выражением «все умрём». «Прирученную смерть» принимали в качестве естественной неизбежности, люди на этом этапе относились к смерти как к обыденному явлению, которое не внушало им особых страхов. В это время человек чувствует себя частью человеческого рода, жизнь кажется ему не индивидуальной судьбой, но звеном в фундаментальной и неразрывной цепи. Прирученная смерть не есть только личная драма, это испытание для всей общины. Потому ритуалы рождения и смерти, равно как и другие, являются явлением общественным, общинным и отмечаются торжественной церемонией. Смерть вводится в жесткие рамки ритуала и превращается в зрелище, становится публичным феноменом. Вспомните средневековые традиции публичных казней, публичных наказаний и пр. Модель прирученной смерти, замечает ученый, означает, что конец жизни никогда не совпадает с моментом смерти, между ними всегда остается зазор.

Второй этап («смерть своя») - представление об индивидуальном суде, который происходит в момент кончины человека. «Смерть своя» означала внезапное осознание индивидуальности, независимости от рода, следовательно, и собственной конечности, выплеснувшейся в большей степени в форме неслыханной любви к жизни и всему земному, а в меньшей - к суровой аскезе и строгой религиозности. В результате открытия индивидуальной смерти она должна была превратиться в дикую, однако контроль над ней восстанавливается за счет усложнения ритуала - появления похоронной процессии, обрядов запирывания лица, составление завещания и т.п.

Третий этап эволюции восприятия смерти в эпоху Просвещения - «смерть далекая и близкая». Символом этой эпохи для учёного становится маркиз де Сад. «Смерть далекая и близкая», по мнению Арьеса, явилась началом «великого переворачивания» смерти. Самосознание остается прежним, но расшатываются барьеры защиты от природы. Искусство и мироощущение этого времени пропитываются эротизмом смерти, страдания и наслаждения сливаются воедино. Смерть становится неотделимой от насилия, страданий и в тоже время от эротики. Другая особенность этого периода - появление первого страха смерти - а именно быть погребенным заживо.

Четвёртый этап эволюции в переживании смерти - «смерть твоя» (эпоха романтизма). Комплекс трагических эмоций, вызываемый уходом из жизни любимого человека или друга. Кончина близкого человека представляется более тягостной утратой, нежели собственная смерть человека.

«Смерть твоя» - «времена прекрасных смертей». Романтизм превращает страх смерти в чувство прекрасного, рай видится местом воссоединения с любимыми. Страх собственной смерти сменяется страхом разлуки с другим. Деритуализация смерти дает возможность спонтанному выражению горя, и то, что следовало скрывать раньше, предстает во всем своем пафосе. Сама смерть перестает ощущаться злом. «Смерть твоя» является, по мнению ученого, удивительным отступлением, местом вдохновения перед окончательным переворачиванием смерти.

Пятый этап, названный Арьесом «смерть перевернутая», характерен для современной эпохи, когда общество вытесняет смерть из коллективного сознания, ведёт себя так, будто её не существует, как будто вообще никто не умирает.

Общество и индивид не в состоянии признать ее естественность. Более того, «смерть уже не только внушает страх, являясь абсолютным отрицанием, но и возмущает душу как всякое отвратительное зрелище. Она становится неприличной как некоторые физиологические отправления человека». Романтики XIX в. первыми отвергли смерть, гиперболизировав ее, сделав любимого человека бессмертным. Эту линию

подхватывает XX век - разрыв связи с человеком по-прежнему кажется невыносимым и нестерпимым, но отсутствие прежнего института траура - табу на смерть заменяет прежнее табу на секс, тем самым создается вакуум вокруг скорбящего, в чем, по замечанию ученого, кроется большая социальная опасность в виде психических травм и срывов.

Главный посыл работы ученого - гуманизация смерти, принятие ее реальности без стыда, отвращения и тревоги.

Арьес в своей книге задается вопросом, почему менялось отношение к смерти? По его мнению, восприятие смерти европейцами определяли четыре параметра:

- индивидуальное самосознание;
- защитные механизмы против неконтролируемых сил природы, постоянно угрожающих социальному порядку (наиболее опасные силы - секс и смерть);
- вера в загробное существование;
- вера в тесную связь между злом и грехом, страданием и смертью.

Как и прежние работы, книга Арьеса «Человек перед лицом смерти» (1977) оказалась в центре научной полемики. Критики, в частности, Мишель Вовель и Арон Гуревич, особо указывали на некритическое в ряде случаев использование Арьесом источников и на его нежелание увидеть социальные аспекты изучаемой им проблемы. Тем не менее «Человек перед лицом смерти», будучи первым масштабным обзором проблематики смерти в истории и культуре, несмотря на очевидные недостатки, отчетливо выявленные А.Я. Гуревичем, потряс современников масштабом и способом рассмотрения поставленной проблемы, глубиной анализа и качеством привлекаемого материала.

В 60-70-е годы история ментальностей стала лидирующим направлением во французской историографии, проникнув в аграрную и демографическую историю, проблема ментальности коснулась также истории религии и культуры. В этом ключе в исторической науке было особенно заметно влияние Люсьена Февра.

Ученик Февра - Робер Мандру вместе с Жоржем Дюби возродил изучение истории ментальностей в 50-60-е годы. Одна из самых известных работ Мандру – книга «Магистраты и колдуны во Франции в XVII в. Анализ исторической психологии» (1968). написана в русле исторической психологии, но не антропологии, что более естественно применительно к феномену колдовства, давно и плодотворно исследуемому антропологами. Такая трактовка феномена колдовства, безусловно, сближает Робера Мандру с Люсьеном Февром и Филиппом Арьесом.

Однако серьезное различие, по мнению Михаила Крома, состоит в том, что автор тщательно учитывает социальную дифференциацию общества: он сознательно оставляет в стороне изменения народных верований (т.е. как раз антропологический аспект!) и сосредотачивает свое внимание на изучении психологии образованного слоя – юристов, магистратов, вершивших в тот период судьбы обвиненных в колдовстве людей».

Далее автор нашей книги пишет, что «сама тема исследования была подсказана Мандру статьей Февра «Колдовство: глупость или переворот в сознании?» (1948), обратившего внимание на парадокс: лучшие умы, вроде Жана Бодена, были одержимы демономанией и верили в опасность, исходившую от колдунов. Здесь-то и начинается Мандру свое исследование, пытаясь выяснить, как произошла эта революция в умах, и почему волна преследований колдунов и ведьм, бушевавшая на рубеже XVI – XVII вв., затем пошла на спад, исчезнув к концу XVII столетия».

Выводы, представленные читателям, весьма неожиданные. Цитирую: «Тщательно документируя свои наблюдения, автор приходит к выводу, что решающее значение в преодолении демономании имели два фактора: скептическая позиция по этому вопросу Парижского парламента, на которую, в свою очередь, повлияли доводы теологов Сорбонны и медиков и стремление правительства Кольбера централизовать юстицию в стране, вследствие чего местные суды вынуждены были прислушаться к мнению столичной высшей инстанции».

В соответствии с обобщениями Михаила Крома, «выводы Мандру вполне доказательны, но кажется, что термин «ментальная структура», который автор постоянно употребляет в своей работе, здесь лишний и ничего не объясняет: процесс «отрезвления» судей, убедительно показанный автором, вполне рационален, ментальность же предполагает нечто, не вполне осознаваемое, безотчетное, а ментальность масс за изученный период едва ли сильно изменилась: все дело решило вмешательство верховной власти».

Итак, период семидесятых годов ознаменовался несомненным успехом истории ментальностей во Франции и проявления интереса к ней за рубежом. Вместе с тем из общей воодушевляющей и

оптимистической волны выбивается высказанное в 1974 г. замечание Ж. Ле Гоффа о ментальности, что “она, кажется, уже вышла из моды”. Несмотря на то, что автор выступал в защиту этого “двусмысленного” высказывания, надо признать, что выставленный им «диагноз» небезоснователен. Суть дела в том, что именно с начала 70-х годов французские историки стали говорить об “исторической антропологии”, и трудно было предположить, что она заменит историю ментальностей.

Здесь мне бы хотелось более подробно остановиться на одном из ярких представителей этой французской школы - Жак Ле Гоффе.

Жак Ле Гофф (1924-2014) - французский историк-медиевист, со второй половины восьмидесятых годов прошлого века - глава школы «Анналов». Основные широко известные его сочинения - «Купцы и банкиры средневековья» (1956), «Средневековые интеллектуалы» (1957), «Цивилизация средневекового Запада» (1965), «За новое изучение средневековья» (1977), «Рождение чистилища» (1981), «Средневековый мир воображения» (1985), «История и память» (1986), «Кошелек и жизнь: экономика и религия в средневековье» (1986), «Аппетит к истории» (1987), «Человек Средневековья» (коллективный труд, под ред. Ле Гоффа., 1987), «Рождение Европы» (2007г.) и др.

Профессор Школы высших исследований в области социальных наук (Париж), ее президент (1972-1977, третий после Февра и Броделя). Член редакционной коллегии «Анналов» (с 1969 г).

Ле Гофф разделял базовые эпистемологические ценности школы «Анналов» и в своем творчестве уделял особое внимание изучению истории ментальностей.

По Ле Гоффу, «ментальности - это не четко сформулированные и не вполне, иногда совсем не осознаваемые стереотипные процедуры мышления, а также лишённые логики умственные образы, которые присущи конкретной эпохе или определенной социальной группе, они имплицитно обуславливают поведение людей, не будучи конституированы в системный нравственный или мировоззренческий кодекс».

И, как пишут исследователи творчества Ле Гоффа, его «историческая концепция не только сыграла заметную роль в модернизации Школы» Анналов» в конце XX столетия, но и наряду с более «экономически мотивированной» моделью понимания и реконструкции истории, принадлежащей Броделю, выступила удачной альтернативой одномерным объяснениям истории ортодоксального марксистского толка».

Автором нашего учебника раскрываются этапы того, как шел процесс становления собственно научного направления исторической антропологии из истории ментальностей. Посмотрим хронологию. В 1972 году для сборника в честь Ф.Броделя Ле Гофф написал статью под названием “Историк и человек повседневности”, в которой отметил тенденцию к сближению между историей и этнологией и выдвинул целую программу “этнологической истории”.

В 1977 году он включил эту статью в сборник своих очерков “За другое средневековье”, под рубрикой: “К исторической антропологии” (Vers une anthropologie historique). И так, “этноистория”, “историческая антропология”... Явно шел поиск названия для нового направления – параллельно с обсуждением новых подходов. Так, специальный номер журнала “Анналы” в 1974 году имел название “За антропологическую историю: понятие взаимного обмена” и был посвящен проблемам экономической антропологии в истории. Как нам представляется, шел поэтапный переход от истории ментальностей к формированию предмета нового направления.

Завершая лекцию по французской школе «Анналов», выделим следующий факт: в 1978 году в энциклопедическом справочнике “Новая историческая наука” впервые появилась статья Андре Бюргера – “Историческая антропология”. Но поскольку в том же справочнике имелась и статья об истории ментальностей, написанная Филлипом Арьесом, читатель мог заключить, что это - две разные дисциплины».

Действительно, у неподготовленного читателя и неспециалиста, не обремененного сложными перипетиями предмета новой формирующейся дисциплины, могут возникнуть мысли о двух разных направлениях.

Подводя итог, замечу, что мы солидарны с автором нашего курса Михаилом Кромом и также признаем, что это очень непростая методологическая проблема - как соотносить или разграничить эти направления.

Естественно и вполне закономерно объяснимы причины дискуссий 80-х годов и во Франции, и за ее пределами о том, что же следует понимать под “исторической антропологией”.

На этот вопрос можно ответить словами Жака Ле Гоффа. В 1991 году в сборнике «Одиссей. Человек в истории», в своей статье «С небес на Землю», он анализирует перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII—XIII вв.

Он пишет: «Конец XX в. - время складывания новой методологии истории. Позитивизм конца прошлого

столетия (имеется в виду XIX век), много давший нам в разработке приемов анализа текстов, окончательно исчерпал себя. Марксистская методология истории рушится на наших глазах... Квантитативная история, сыгравшая в свое время полезную роль, ныне обнаружила ограниченность своих возможностей. Известны неоднократные попытки вернуться к повествовательной, событийной истории, утратившей, однако, свой престиж».

«Не осталась без изменений и история, развивающаяся в русле «Анналов». Переживая переломный этап в своем развитии, она ищет ныне новые междисциплинарные контакты с социальными науками и стремится заложить основы компаративистской, глобальной истории», - пишет Л. Гофф

Наконец, «Обновленная методология истории складывается как целостность не на пустом месте. Она возникает во взаимосвязи с новой политической историей и новой историей власти, каковые охватывают историю символов и мира воображения; она строится также на обломках прежней истории идей, неприемлемой для изучения современной исторической проблематики. В рамках этого движения исторической мысли можно вычленить несколько направлений. Они выступают как наследие истории, развивающейся в русле «Анналов», и прежней истории идей. Среди этих направлений выделим три: 1) историю интеллектуальной жизни, которая представляет собой изучение социальных навыков мышления; 2) историю ментальностей, т. е. историю коллективных автоматизмов в ментальной сфере; 3) историю ценностных ориентации.

Одним словом, в процессе развития исторической антропологии происходили и смена ценностных ориентаций, изменения методологических парадигм в зависимости от социально-политической ситуации и социально-культурного контекста.

Основные термины

Демографическая история, история ментальностей, ментальная структура, верования, сознание, историческая психология, историческая антропология

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996. -255с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 1999.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М., Прогресс, 1992.
4. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М., Центр гуманитарных инициатив, 2014.
5. Мандру Р. Франция раннего Нового времени (1500-1640): эссе по исторической психологии. – М., Территория будущего, 2010.
6. Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»/отв.ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1993.